

Природа и мы

ФАНТАЗИЯ В ЛИЛОВО-ФИОЛЕТОВЫХ ТОНАХ

Весеннее солнце светит в окно, слепит. Под окном — черный тюльпан. Его красноватые листья, как маленькие флаги, ветер разворачивает в течение всей зимы. А пригрело Янтарь, и обосновались на томите серые комочки — горобчики. До них не дотянутся, а так хотятся понять, что за горобьи. Восточный полевой или ряжий, а может, к нам уже домовой воробей долетел? В Хабаровске его уже видели. «Промстарат»: мысленно все характерные признаки и прихожу к выводу: осенние на томите серые пухленькие комочки — восточный полевой воробей.

Зимой их в городе почти не было, откочевывали к югу, а теперь больными стаями повинились у домов, греются в лучах солнца. Однажды из перелета, в середине апреля они начнут строить гнезда. А там недалеко и до птенцов.

Раньше все воробы мигкали одинаково серыми! Присмотревшись, заметила то, что пальцы десятилетия не замечала: да они вовсе не похожи друг на друга.

А птицы тем временем, не обращая на меня внимания, подставляли на обозрение, будто специально, то один бочок, то другой. Вот один смельчак садится на подоконник и демонстративно покачивает темной головкой с лиловым оттенком. Появился у него с одинаковым налетом. Покрасавились, он заскучал, и вдруг взмахнул крыльями: промелькнуло темно-рыжее оперение крыльев, и черная полоса на спине стала более заметна. Во-

робей, оказывается, не серый, а разноцветный.

Но может, это мои фантазии? Выхожу в коридор и спрашиваю у ребят, которые кучкой стоят у окна: «Какого цвета воробей?».

Они удивленно смотрят на меня и отвечают: серый, серо-черный, почти серый.

Нет, это же не нафантазировано, это у детей на глазах серые «кошки». Я дедлюсь с ними своим открытым, и теперь множество глаз восхищаются: как же цвета оперение всем известных перелетных птиц?

Оказывается оливковое, ряжее

и лиловое. Неожиданно открытое радуемся вместе.

А воробы между тем что-то подделали и устроили драку: взвешивались, находились и пошли в атаку на «общицк». С чего бы? Оказывается, виновник переноса был немногим смелее и больше, видимо, не этого рода племена. Летали, вмешивались в чужие, пока приспешника не выпали. И сразу успокоились, замерли на солнце. А оно, будто досмотрев последнюю часть воробиного «кино», покатилось за изгнутое линию хребта и, бросив тополю, лилово-оливково-фиолетовыми воробьями прощалъный луч, склонило. До завтра.

Оно встанет поутру на востоке, еще более теплое и ласковое, чем вчера, и на черном тополе снова забудет жизнь. Пришла, пришла долгожданная весна-красна.

Г. АРХИПОВА.

Родники

И дальше, дальше...

Дни рождения можно любить и не любить (если речь идет о более чем зерлом возрасте), праздновать или нет, во они неизбежны. Одни встречаются с радостью, другие жаждут с грустью.

Предстоящий юбилей Холмского народного театра — 45 лет со дня образования коллектива и 30 лет со дня привнесения звания народного — вызывает смешанные чувства.

Гордость за то, что в нашем городе есть любители и ценители, что порой эстрада самодеятельного коллектива ярче и проблемнее, чем у иных профессионалов.

Родство — когда в дни премьер фойе Дома культуры заполняется нарядными людьми с цветами в руках, когда смеются и плачут, когда затихает весь зал в едином порыве и когда он взрывается вздохами.

Грусть — когда в холмских залах сельских клубов — пять старушек и толпа детей. Когда спектакль, созданный для раздумий, не вызывает зрительского отклика, грустна за людей, требующих часто лишь яркого развлекательного зрителя.

Страшно — когда в зале смыкаются там, где надо бы плясать, выходят среди действий, топая ногами, молодые люди или дулают семечки.

Больно — когда огромный труд людей, которые отыгрывают свое время от отыха, самоотверженно занимаясь любимым делом, не ценится, вынуждены скептические улыбки, а порой и раздражение начальства, коллег и даже конфликты с родными.

Смешно — когда выясняется, что о театре с его богатейшей историей, долгими годами работы не знают многие жители города.

Тепло — от общения с теми, кто почти каждый вечер, после трудного рабочего дня, вопреки порой задавому смыслу, идет на вечецию.

Это их вторая семья, их жизнью. Здесь влюбляются, жениются, рождаются дети — и их воспитывают из куколами. Из этих вечеров, из будней театральных дебютов, из трудности мастерства, из желания создать, сделать жизнь содержательнее и богаче и рождаются чудо, имя которому ТЕАТР.

Каждый сезон — это счастье! Счастье от того, что с любимым делом не разошлись, не дали задумать себя бытом. Счастье новых пьес, поисков, тем. Счастье от побед и даже поражений, ибо это и есть театральная жизнь.

За несколько десятилетий в театре работали режиссеры умные, талантливые, самоотверженные, бесконечно любящие своих артистов, этот город, отдавшие им свои силы, опыт, мастерство. Не будь Веры Ивановны Моргуновой — создателя коллектива, не было бы 45 лет театральной жизни. Невоз-

можно не вспомнить Леонида Рейнгольдовича Красина, Галину Васильевну Жижинскую, с которым имелись связанные такие масштабные спектакли, как «Не беспокойся, мама!» Думбадзе, «На бойком месте» Островского, «Трибунал» Макаени, «Дипломаты» Алешина и другие. Тема Великой Отечественной войны нашла яркое отражение в спектакле молодого режиссера Ольги Чириной «Эпилог Роцкого». Весьма куплетисты были и сердца холмчан прекрасно поставленный и интересный сценический спектакль «Последний инстанция» Матуковского в режиссуре Ольги Ходунинской.

Всем им, кому

западникоша национальной

культуры, поздравляем!

Счастье — когда на вспышку

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вышла на сцену наша молодежь, делая уверенные шаги, раздуя и нас, и зрителей прятавшихся в сидячих местах.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,

и когда вспыхнула любовь к родине.

Счастье — когда в зале

вспыхнула любовь к театру,